

Водная коррупция в Центральной Азии: краткий обзор

Акбикеш Мухтарова

Независимый исследователь

Данная версия является переводом статьи «Water Corruption in Central Asia: A Rapid Review», опубликованной в журнале 16 октября 2023 г.

АННОТАЦИЯ

Академическая литература определяет отраслевую коррупцию, а именно коррупцию в секторе водного хозяйства, как одну из главных угроз развитию Центральной Азии. Целью данной статьи является анализ академических исследований, затрагивающих тему водной коррупции, ее форм и типологий в различных секторах водного хозяйства (таких как водоснабжение и санитария, ирригация, гидроэнергетика и управление водными ресурсами). В частности, исследование направлено на изучение вопроса о том, как коррупция в водном секторе определяется и анализируется в академических источниках. Результаты исследования показывают, что тема водной коррупции недостаточно изучена, и в академической литературе замечен недостаток анализа секторальных форм водной коррупции и способов борьбы с ней, особенно в Центральной Азии. Результаты обзора демонстрируют, что академическое сообщество, лишь кратко упоминая системный и повсеместный характер коррупции в сфере водного хозяйства в Центральной Азии, обходит углубленное изучение данной проблемы. Следует отметить также и нехватку исследований - обзоров (review papers) по теме коррупции в сфере водного хозяйства не только на региональном, но и на глобальном уровнях. Таким образом, ожидается, что данный краткий обзор будет иметь академическое и практическое значение для выявления пробелов в исследованиях по теме водной коррупции, в частности в Центральной Азии. Учитывая ограничения метода краткого обзора (rapid review), для более глубокого понимания проблемы коррупции в сфере водного хозяйства в регионе необходимо в будущем дополнить данное исследование сбором первичных и вторичных источников в странах Центральной Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Центральная Азия,
водная коррупция,
управление водными
ресурсами

Для корреспонденции: Акбикеш Мухтарова akbikesh.mukhtarova@hotmail.com Астана, 010000, Казахстан

1. Введение

Международное сообщество рассматривает коррупцию в секторе водного хозяйства как один из основных барьеров, препятствующих доступу к питьевой воде, адекватной санитарии, производству продовольствия, экологической устойчивости и эффективному здравоохранению (Plummer, 2008; Jenkins, 2017; Breen & Gillanders, 2022).

Как отмечала Вангари Маатаи - лауреат Нобелевской премии мира и политический активист, коррупция в сфере водных ресурсов позволяет влиятельным акторам нарушать правила, загрязнять водные источники и воровать деньги, предназначенные для водной инфраструктуры (Maathai, 2008). В связи с этим местное население, особенно бедные и уязвимые слои в развивающихся странах, испытывает трудности с доступом к питьевой воде и адекватной санитарии.

Глобальный Индекс многомерной бедности (Глобальный ИМБ) позволяет рассчитать процент многомерно бедного населения, лишенного доступа к питьевой воде, санитарии, электричеству, жилью и другим показателям. Страновые отчеты ИМБ за 2023 г. показывают, что 20,1 % Таджикистана, 5,2 % Кыргызстана, 1,8 % Казахстана, 0,3 % Туркменистана, 0,2 % Узбекистана уязвимы к многомерной бедности. Цензурированное соотношение численности населения показывает, что 3,6 % населения в Таджикистане и 0,1 % в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане являются многомерно бедными и одновременно лишены доступа к питьевой воде (Global MPI country briefings, 2023a, 2023b, 2023c, 2023d, 2023e). Важно отметить, что показатели могут быть значительно выше, так как Глобальный ИМБ, основанный на опросах домохозяйств (Demographic Health Surveys and Multi-Indicator Cluster Surveys) и национальных данных, имеет ряд недостатков: например, в некоторых странах опросы нерегулярны (SDSN, 2015). В связи с недостатком данных ИМБ индикаторы могут показывать тот же процент, что и в предыдущие годы. К примеру, можно заметить, что процент уязвимо к многомерной бедности населения в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане указывается неизменным за 2022 и 2023 годы в связи с тем, что эти расчеты основаны на тех же источниках, например, результатах опросов, датированных 2015, 2017, 2018, 2021-2022 годами (Global MPI country briefings, 2023a, 2023b, 2023c, 2023d, 2023e; 2022a, 2022b, 2022c, 2022d). В связи с недостатком данных ИМБ сталкивается с проблемами при показе фактического процента многомерно бедного населения в странах Центральной Азии.

Академические источники и средства массовой информации подчеркивают, что за последние тридцать лет страны Центральной Азии вводили программы и проекты, такие как «Ак Булак» и «Нурлы Жер» в Казахстане, «Таза Суу» и «Ала-Тоо Булагы» в Кыргызстане; также различные государственные программы, стратегии

и проекты по улучшению систем водоснабжения, санитарии и модернизации ирригационных систем принимались и в других странах Центральной Азии.

Страны региона получали кредиты и консультативную помощь от международных организаций, таких как Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) и Азиатский банк развития (АБР), а также от международных агентств развития, неправительственных организаций, аналитических центров и других субъектов, однако местное население по-прежнему испытывает проблемы с доступом к питьевой и поливной воде, а также от плохой инфраструктуры водоснабжения и водоотведения.

Согласно академическим источникам, средствам массовой информации и отчетам международных организаций, одной из скрытых причин такой неэффективности принимаемых проектов и программ является коррупция в секторе водного хозяйства (Marat, 2008; Isabekova et al., 2013; Рябец, 2017; France & Kukutschka, 2019). Исследователи Isabekova et al. (2013) отмечают, что «финансовые инвестиции были вложены, однако они не всегда способствовали улучшению местного водоснабжения, и, как однажды отметил Премьер-министр Кыргызстана, «львиная доля кредита была украдена» (Isabekova et al., 2013, p. 1).

Хотя академическое сообщество предупреждает о всепроникающем характере коррупции в секторе водного хозяйства в Центральной Азии (Бакнелл и др., 2003; Warner et al., 2009; Nakala et al., 2023), однако (предположительно в связи с остротой и чувствительностью) данная тема является все еще плохо изученной в контексте Центральной Азии.

Академическое сообщество, сосредотачивая своё внимание на изучение таких проблем, как конфликтный потенциал между странами Центральной Азии из-за трансграничных водных ресурсов, дефицит воды в регионе, нехватка питьевой воды и воды для орошения и плохая инфраструктура водоснабжения, обходит углубленное изучение системной коррупции в секторе водного хозяйства, которая представляет собой серьезную внутреннюю угрозу, препятствующую прогрессу стран Центральной Азии в достижении Целей устойчивого развития (ЦУР), а именно ЦУР 1, ЦУР 2, ЦУР 3, ЦУР 6 и ЦУР 7.

Следует отметить, что такая актуальная и острая проблема, как водная коррупция широко освещается в средствах массовой информации, однако крайне редко анализируется в академических источниках (например, Kabar.kg, 2023; Хроника Туркменистана, 2022; Газета.uz, 2021; Вебер, 2019; Мирсаидов, 2009). С целью восполнения пробела в академической литературе автор предлагает краткий обзор академической литературы по теме коррупции в секторе водного хозяйства, в котором рассматривается то, как академические источники

анализируют причины, типы и формы водной коррупции. Также, кроме выявления существующих пробелов в академической литературе, в кратком обзоре предлагаются рекомендации для будущих исследований.

Важно отметить, что такая комплексная и многогранная проблема, как коррупция в секторе водного хозяйства требует дальнейшего углубленного анализа её причин и путей её предотвращения. Данный краткий обзор следует рассматривать лишь как начальное исследование, требующее дополнения и развития в будущем с применением количественных, качественных и смешанных методов исследования (включая систематический обзор академической литературы).

2. Сбор данных и методология

2.1. Сбор данных

Автор лимитировал критерии поиска и включения данных по типу источников, базе данных, языку и датам выпуска публикаций. А именно: для обзора автор проанализировал академические источники, в частности, научные статьи и отчеты международных организаций (таких как Всемирный банк, Water Integrity Network и Антикоррупционный ресурсный центр U4), освещающих проблему коррупции в сфере водоснабжения в мире и, в частности, в Центральной Азии, опубликованных в период с 2000 по 2023 г. на английском и русском языках. Автор ограничил поиск и сбор данных четырьмя базами данных: ScienceDirect (Коллекция Elsevier), Web of Science, The SAGE и базой данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) для источников, освещающих проблему коррупции в секторе водного хозяйства в Центральной Азии, опубликованных на русском языке.

2.2. Методология

В исследовании применяется расширенный краткий обзор (enhanced rapid review analysis). Следует отметить, что краткие обзоры стали особенно популярны во время пандемии COVID-19, когда специалистам по клиническим исследованиям нужно было привлечь внимание лиц, принимающих решения, и основных заинтересованных сторон к проблемам высокого приоритета и срочности (Furlong et al., 2021; Moons et al., 2021). Краткий обзор (a rapid review) может быть использован для преодоления ограниченности во времени и ресурсах в сравнении с другими методами обзора, такими как систематический обзор (a systemic review) и обзорное исследование литературы (a scoring review), которые требуют как минимум от шести до двенадцати месяцев для выполнения (Ganapp et al., 2010; Furlong et al., 2021; Moons et al., 2021).

Несмотря на недавнее появление, академическое сообщество, отмечая преимущества и недостатки данного метода обзора, характеризует краткий обзор как «еще один новый тип синтеза доказательств» и «часть семьи синтеза знаний» (Munn et al., 2018; Moher et al., 2015; Garritty et al., 2021). В качестве преимуществ кратких обзоров называется экономия времени и ресурсов, возможность привлечь внимание основных заинтересованных сторон к актуальным и высокоприоритетным темам, разработку быстрых рекомендаций и возможность определения направлений для будущих исследований (Watt et al., 2008b; Moons et al., 2021; Garritty et al., 2021; O`Leary et al., 2017).

Следует отметить, что нет единого мнения относительно того, могут ли краткие обзоры служить альтернативой традиционным методам обзора. Одна группа исследователей, например, Khangura et al. (2012), Featherstone et al. (2015), подчеркивает, что краткие обзоры могут быть подвержены более значительной предвзятости, нехватке глубины исследования и, как правило, упущению анализа социальных и экономических факторов рассматриваемой проблемы. Другая группа исследователей, например, Watt et al. (2008a), Ganann et al. (2010), Tricco et al. (2015), напротив, отмечает, что выводы несущественно отличаются, когда применялись оба метода обзора: как краткий, так и систематический. В качестве основного недостатка метода краткого обзора в сравнении с систематическим обзором в академической литературе упоминается возможное упущение соответствующих теме работ из-за ускоренного процесса извлечения данных (Ganann et al., 2010).

Однако, согласно исследователям Taylor-Phillips et al. (2017), в сравнении с краткими обзорами применение расширенного краткого обзора (enhanced rapid review) позволяет минимизировать предвзятость путем введения двойной проверки рецензентами всех выбранных источников обзора: когда один исследователь проверяет все источники на предмет их соответствия целям исследования, в то время как второй исследователь также независимо проверяет случайную выборку из 20 % выбранных для обзора источников (Taylor-Phillips et al., 2017). В этой связи двойной рецензионный скрининг (the dual reviewer screening) позволяет минимизировать предвзятость исследования и уменьшает риск включения автором академической литературы, не относящейся к теме изучения, или же, наоборот, препятствует исключению относящихся к теме источников обзора. Принимая во внимание сильные и слабые стороны данного метода обзора, исследователи подчеркивают, что хотя существует растущая потребность в более ускоренном рассмотрении высокоприоритетных тем, требующих срочного внимания, однако краткий обзор нуждается в дополнении систематическим обзором для более глубокого анализа рассматриваемой проблемы (Taylor-Phillips et al., 2017).

Учитывая растущий дефицит водных ресурсов в Центральной Азии, связанный с изменением климата (World Health Organization, 2022), потерей воды и коррупцией в регионе (например, Nakala et al., 2023; Искакова, 2014), тема водной коррупции в Центральной Азии требует особого внимания и изучения.

Также одной из причин применения краткого обзора является дефицит ресурсов. «Краткие обзоры могут быть применены в условиях ограниченности времени и ресурсов по сравнению с систематическими обзорами» (Watt et al., 2008a; Watt et al., 2008b, in Ganann et al., 2010, p. 2). Автор данного обзора - независимый исследователь, не получающий финансирования для проведения этого исследования. Применение систематического обзора или других методов требует коллективной работы центральноазиатских и международных исследователей (для сбора и анализа первичных и вторичных данных, в частности на государственных языках стран Центральной Азии), а также финансирования подобных исследований. Учитывая вышеупомянутые причины нехватки времени и ресурсов, автор использует метод расширенного краткого обзора (enhanced rapid review).

Следуя усовершенствованной методологии краткого обзора (Taylor-Phillips et al., 2017), в работе применяется двойной скрининг рецензентами всех восьмидесяти выбранных источников, с тем чтобы минимизировать возможные упущения в сборе и анализе данных. А именно: два рецензента из стран Центральной Азии (Кыргызстана и Таджикистана) независимо друг от друга проверили все источники на предмет их соответствия теме, целям и вопросам исследования. После двойной проверки рецензентами семьдесят два источника были отобраны и классифицированы как соответствующие теме данного краткого обзора, а восемь источников после аналогичной проверки были исключены из-за их нерелевантности.

3. Результаты

Результаты представлены следующим способом: во-первых, в работе анализируется то, как академические источники определяют водную коррупцию и её причины и выделяют её различные типологии и формы; во-вторых, как проблема коррупции в сфере водного хозяйства в Центральной Азии рассматривается в академической литературе. В разделе «Обсуждение и заключительные заметки» определяются пробелы в научной литературе в изучении темы водной коррупции в Центральной Азии и предлагаются рекомендации для будущих исследований.

3.1. *Определение водной коррупции, её типологии и формы*

Академические источники, проанализированные в данном обзоре, не предлагают отдельного определения «водной коррупции» (water corruption) или

«коррупции в водном секторе» (corruption in the water sector); вместо этого лишь упоминают различные определения термина коррупции. Например, Stålgren (2006) рассматривает коррупцию как «акт слома социально утверждённых ожиданий надлежащего поведения» (Stålgren, 2006, p. 7), в то время как Adam & Fazekas (2021) применяют широко используемое определение коррупции как «злоупотребление служебным положением в целях личной выгоды» (Rose-Ackerman, 1978, Adam & Fazekas, 2021, p. 3).

Поскольку в коррупционные преступления могут быть вовлечены как государственные, так и частные лица, исследователи применяют также такие определения коррупции, как «злоупотребление вверенной властью / служебным положением в целях личной выгоды» и «использование и злоупотребление ресурсами, полученными в результате манипулирования бюджетами» (Schrodt, 2006, p. 5; Plummer & Cross, 2007, p. 232). Академические источники, не предлагая отдельного определения водной коррупции, лишь кратко упоминают, что «коррупция может потенциально быть найденной в каждом пункте, задействованном в цепочке доставки воды» (Transparency International, 2008, p. xxiv; de la Harpe & Butterworth, 2009, p. 1).

Рассматривая причины, способствующие возникновению коррупции, например, в водном секторе, Stålgren (2006) подчеркивает, что можно определить по крайней мере три движущие силы коррупции, связанные с индивидуальным выбором, институтами и нормами.

Индивидуальный выбор вовлечения в коррумпированные практики определяется ценностью потенциальной прибыли, «взвешиваемой относительно ожидаемого наказания и существующих рисков быть пойманным» (Stålgren, 2006, p. 11). Однако следует отметить, что мотивы вовлечения в коррумпированные практики могут варьироваться в зависимости от типа коррупции, например, крупная или мелкая коррупция (grand or petty corruption), а также от того, рассматриваем ли мы сторону коррупции, связанную со спросом или предложением. К примеру, домохозяйства, не имеющие доступа к сетям водоснабжения, для того чтобы иметь доступ к воде, вынуждены обращаться к неофициальным поставщикам воды и «давать взятки, ища присоединения к путям водоснабжения» (Acción Ciudadana, 2006, Sohail & Cavill, 2008, p. 44). Причины же масштабной системной коррупции в обществе могут быть связаны и со злоупотреблением властью, доминированием патронажных сетей, укорененностью коррумпированных практик в общественных отношениях. В таких случаях причины коррупционных практик могут быть встроены в организационную культуру или социальные нормы. Так, Suhardiman & Mollinga (2017), анализируя проблему институциональной коррупции в агентстве по ирригации в Индонезии, отмечают следующее.

«Ставя на центральное место в практике институционализированной коррупции понятия дарения подарков и лояльности семье или клану выше, чем

верховенство закона, система «*upeti*» не только обеспечивает психологическое искупление вовлечения в коррупционные практики, но также и оправдывает коррупцию как превалирующую социальную норму» (Suhardiman & Mollinga, 2017, p. 0155).

Объясняя факторы, приводящие к формированию институциональной коррупции, академические источники в основном ссылаются на коррупционную формулу Клитгаарда (Klitgaard's formula) - « $C = M + D - A$: Corruption equals Monopoly power plus Discretion by officials minus Accountability», которая означает: Коррупция равна Монополия плюс Свобода действий должностных лиц минус Подотчетность (Klitgaard et al., 2000, p. 26).

Институциональная коррупция появляется в условиях отсутствия подотчетности, существования монополии власти и бесконтрольной свободы принятия решений должностными лицами относительно того, кто получит тот или иной товар или услугу (Klitgaard et al., 2000). Для объяснения коррупции в секторе водного хозяйства также можно применить вышеуказанную формулу.

В частности, исследователь Jenkins (2017) утверждает, что стимулы для коррупции в водном секторе высоки из-за монополии власти (за счёт доминирования естественных монополий) и свободы действий в управлении проектами с высоким начальным капиталом. Таким образом, согласно формуле Klitgaard (2000), все эти факторы, а также отсутствие подотчетности приводят к коррупции.

Поскольку коррупция может быть встроенной в институциональную культуру и социальные нормы, нахождение способов решения проблемы существования различных типов и форм коррупции в сфере водного хозяйства требует глубинного изучения как формальных институтов (организаций управления, законов, нормативно-правовых актов), так и неформальных институтов (традиций, обычаев, ценностных установок, правил поведения) в данной конкретной организации и обществе.

Основываясь на обзоре академической литературы и отчетах международных организаций, можно выделить как минимум четыре типологии водной коррупции:

- по масштабу: крупная коррупция (*grand corruption* - политическая, административная, или бюрократическая) и мелкая коррупция (*petty corruption*) (Gonzalez de Asis et al., 2009; Kenny & Soreide, 2008; O'Leary, 2009);
- по формам поведения: индивидуальная и коллективная/системная коррупция (Gonzalez de Asis et al., 2009; Stålgren, 2006);
- по формам взаимодействия задействованных сторон: например, государственно-общественное, государственно-частное и общественно-потребительское взаимодействие (Stålgren, 2006; Plummer & Cross, 2007; de la Harpe & Butterworth, 2009; Gonzalez de Asis et al., 2009; Calow et al., 2012);

- по секторам: например, коррупция в сфере управления водными ресурсами, водоснабжения и санитарии, ирригации и гидроэнергетическом секторе (UNDP, 2011; Haas, 2008; Shandling & Lock, 2008).

Таблица 1. Типологии водной коррупции (таблица составлена автором на основе обзора литературы)

Типологии водной коррупции	
По масштабу	Крупная, или grand (политическая, административная/бюрократическая) и мелкая коррупция
По формам поведения	Индивидуальная и коллективная/или системная коррупция
По формам взаимодействия	Например, государственно-общественное, государственно-частное и общественно-потребительское взаимодействие
По секторам	Коррупция в секторе управления водными ресурсами, водоснабжения и санитарии, гидроэнергетики, ирригации и других секторах

Grand-коррупция рассматривается в некоторых источниках как часть политической или бюрократической коррупции, поскольку субъектами коррупционных практик в этих случаях могут являться государственные должностные лица, например, должностные лица профильных министерств, ведомств и агентств, главы местных исполнительных органов (акимы, мэры, губернаторы), а также представители местных советов по планированию, вместе с тем и частные акторы, такие как «водные картели» (Calow et al., 2012; Anbarci et al., 2009; Gonzalez de Asis et al., 2009). Эти акторы могут злоупотреблять государственными средствами в личных целях, получать взятки в качестве «вознаграждения» (и участвовать в различных формах хищений и вымогательств, так называемых откатов) из крупных контрактов, к примеру, за введение в эксплуатацию систем водоснабжения и водоотведения, а также вводить высокие тарифы на воду посредством завышения цен (это могут быть и частные компании поставщики воды, например, коммерческие организации, товарищества с ограниченной ответственностью, завышающие цены на воду для потребителей).

Особое внимание в академических источниках в последние годы уделяется исследованиям «водных мафий» (water mafias), которые осуществляют контроль неофициальных поставок воды в неформальные поселения, например в Кении, Эквадоре, Индии, Бангладеш и других странах мира (Jenkins, 2017; Birkinshaw, 2018; Sohail & Cavill, 2008; O`Leary & Stålgren, 2008).

Исследователь Birkinshaw (2018) предлагает новый термин – «политика водной мафии» (water mafia politics), который, по мнению автора, «подразумевает напористо-агрессивное доминирование над рынком воды, со стратегическим подходом к регулированию («незаконности»), продвигаемому через вовлечение политиков и государственных служащих» (Birkinshaw, 2018, pp. 189-190). Эта взаимосвязь и вовлечение в коррумпированные практики политических государственных служащих и частных акторов (водных картелей и неформальных частных поставщиков услуг водоснабжения) приводят к формированию сложной коррупционной сети в сфере водного хозяйства.

В то время как мелкая коррупция, в отличие от крупной, предполагает небольшие выплаты для получения доступа к воде, связанные с «неофициальными» выплатами техническому персоналу, например для установки незаконных подключений к воде или для корректировки счётчиков и/или счетов за воду (Gonzalez de Asis et al., 2009). Несмотря на небольшую сумму таких платежей, согласно некоторым исследованиям, частота таких неформальных платежей в развивающихся странах высока (Sohail & Cavill, 2008; Davis, 2004).

Другой типологией является индивидуальная и коллективная/системная коррупция в водном секторе. Основное различие состоит в том, что индивидуальная коррупция представляет собой изолированные случаи коррупции, связанные с желанием получения наживы и личных выгод, в то время как коллективная, или системная, коррупция возникает, когда институциональная культура допускает коррупционные действия и позволяет коррупции быть широко распространённой на всю организацию: на общественные или частные учреждения и агентства (UNDP, 2011; Kenny & Søreide, 2008).

Важно отметить, что различие между крупной и мелкой, индивидуальной и коллективной коррупцией довольно размыто и условно, поскольку мелкая коррупция или индивидуальные случаи коррупции не должны рассматриваться изолированно от среды, в которой распространены такие коррупционные практики.

Проблема системной коррупции требует более пристального внимания к формам взаимодействия между различными субъектами водного хозяйства. Исследователи Plummer and Cross (2007) разработали комплексную «Рамочную программу производственно-сбытовой цепочки коррупционных взаимодействий в водном секторе» (Value Chain Framework: Corrupt Interactions in Water Sector), включающую такие классификации, как государственно-общественные, государственно-частные и общественно-потребительские отношения, определяя, в каких сферах водного сектора могут возникнуть риски коррупционных взаимодействий. Например, разработка политики регулирования, планирования, составления бюджета, организации торгов, тендеров для закупки товаров и

услуг, строительства водохозяйственной инфраструктуры могут быть более подвержены коррупции (Plummer & Cross, 2007; de la Harpe & Butterworth, 2009). Как подчеркивают исследователи, такие взаимодействия предполагают участие всех уровней управления, включая городские советы, мэров и местные советы по планированию, и связывают должностных лиц с поставщиками, подрядчиками и консультантами, которые, в свою очередь, часто связаны с крупными транснациональными корпорациями, работающими в водном секторе (Anbarci, 2009).

При рассмотрении типологии водной коррупции важно изучение коррупционных преступлений в конкретных отраслях водного хозяйства. UNDP (2011) выделяет четыре сектора с высоким уровнем коррупционных рисков, а именно: управление водными ресурсами, водоснабжение и санитария, гидроэнергетика, ирригация. Авторы отчета UNDP (2011) подчеркивают, что такая дифференциация на четыре сектора не является окончательной и всеобъемлющей.

Одним из секторов, где широко распространены коррупционные практики, является сектор водоснабжения и санитарии (Gonzalez de Asis et al., 2009; UNDP, 2011). К формам мелкой коррупции в сфере водоснабжения относятся взятки, например, с целью фальсификации показателей водомера. В качестве примера можно привести результаты опроса в Индии в 2004 г., которые демонстрируют, что «40 процентов потребителей признают, что осуществляли многочисленные мелкие платежи в предыдущие шесть месяцев с целью фальсификации показаний приборов учёта воды для занижения своих счетов» (Sohail & Cavill, 2008, p. 43). Формы крупной коррупции в сфере водоснабжения и санитарии включают растрату государственных средств и средств иностранной помощи, неэффективное политическое управление (political mismanagement) муниципальными коммунальными предприятиями, обещания избирателям низких коммунальных тарифов с целью выигрыша голосов на выборах, захват прибыльных контрактов и (повторные) переговоры с частными компаниями для получения концессии на воду (Davis, 2004; UNDP, 2011).

Исследователи Breen & Cillanders (2022) приводят в качестве яркого примера grand-коррупции в секторе санитарии случай с проектом Клонг Дэн (Klong Dan) очистки сточных вод в Таиланде, который планировался стать одним из крупнейших заводов по очистке сточных вод в мире; строительство его продолжалось около трёх десятилетий. Проект так и не был реализован из-за коррупционного скандала, когда выяснилось, что «правительственные чиновники и местные землевладельцы завысили покупную цену на землю, необходимую под строительство на 1000 %» (Sohn, 2007; Breen & Gillanders, 2022, p. 3). В целом, в качестве основной причины коррупции в секторе водоснабжения и санитарии

академические источники рассматривают монополию власти и отсутствие механизма подотчетности.

В ирригационном же секторе условия, порождающие коррупционные преступления, академические источники связывают с нехваткой государственных ирригационных систем, особенно в развивающихся странах, а также свободу действий и свободу решений должностных лиц (*discretion power*) местных агентств по ирригации, которые «незаконно поставляют больше воды тем фермерам, которые могут предложить взятки» (Rinaudo, 2002). Следует отметить, что академические исследования коррупции в ирригационном секторе начались относительно недавно и в основном охватывали анализ коррупции в системах оросительных каналов в Азии, а именно в Индии и Южной Корее (Wade, 1982; Wade, 1997; Mollinga, 1998).

Подчеркивая вклад вышеуказанных работ (Wade, 1982; Wade, 1997; Mollinga, 1998) в исследование коррупции в ирригационном секторе, исследователь Rinaudo (2002) отмечает также и их недостатки, в частности, критикуя данные работы как основанные на недостаточном количестве наблюдений. В противоположность этим работам Rinaudo (2002) предлагает альтернативные способы сбора данных, в частности, анализ социально-экономической информации в отношении групп фермеров, получающих воду в данных изучаемых областях, а также тщательное физическое обследование ирригационной инфраструктуры на местах, поскольку, как полагает автор, «коррупция оставляет физические следы на инфраструктуре ирригации» (Rinaudo, 2002, p. 407). Результаты исследования Rinaudo (2002) демонстрируют печальные результаты, заключающиеся в том, что административная коррупция вовлекла «приблизительно одну четвертую часть сельского населения, повлияв на крупные, средние и мелкие фермерские хозяйства в изученных ирригационных системах Пакистана» (Rinaudo, 2002, p. 419).

Еще одним сектором водного хозяйства с высокими коррупционными рисками является управление водными ресурсами. Этот сектор участвует в предоставлении прав на пользование водными объектами, контроле эрозии почв и водных объектов, в регулировании использования подземных вод и контроле за загрязнением воды бытовыми сточными водами, объектами промышленности и сельского хозяйства. Взятничество в данном секторе связано с получением вознаграждения за лицензии (например, для сброса сточных вод), за распределение прав на водопользование (включая грунтовые воды) и воздействие на окружающую среду осуществляемых проектов и работающих производств (UNDP, 2011).

Среди упомянутых в отчете UNDP (2011) типологий коррупции в водном секторе коррупция в гидроэнергетическом секторе представлена как

менее расследованная и освещаемая. Однако именно этот сектор связан с крупномасштабными контактами с высокими расходами и международными тендерами.

Согласно авторам отчета ПРООН, в гидроэнергетическом секторе формы коррупции могут включать вымогательство или принуждение к выплатам в процедурах строительства и работ по техническому обслуживанию, закупок для проектирования, также взяточничество, nepotизм при предоставлении лицензий на водопользование, неправомерное использование фондов переселения и средств природоохранных фондов и фондов по смягчению воздействия на окружающую среду, коррупцию в сделках по поставке энергии и другие формы коррупции (Haas, 2008; UNDP, 2011).

В целом, учитывая коррупцию в различных секторах водного хозяйства, академические источники упоминают такие формы коррупции как взятки, сговор, растрата и кража, мошенничество, вымогательство, злоупотребление должностными полномочиями, фаворитизм, кумовство и клиентелизм (Calow, 2012; Gonzalez de Asis et al., 2009).

Например, в случаях grand-коррупции это может быть взяточничество, позволяющее неофициальное изъятие и использование грунтовых вод при добыче иностранными компаниями, и небольшие выплаты за подделку показаний счетчиков в случае мелкой коррупции. Согласно академическим источникам, проанализированным в этом обзоре, широко распространены во всех четырех водных секторах такие формы коррупции как фаворитизм, кумовство и клиентелизм, например, когда должностные лица используют вверенную им власть для предоставления преференций своим родственникам, друзьям, представителям одного клана или членам одной политической партии, либо же исходя из других личных предпочтений; также кумовство в предоставлении прав на водопользование и ирригацию; мошенничество, выражающееся, например, в фальсификации документации; растрата средств из бюджета и активов правительства, а также иностранной помощи (Davis, 2004; Stålgren, 2006; Visscher & Hermann-Friede, 2011; Suhardinam & Mollinga, 2017).

Важно отметить, что grand-коррупция проявляется в различных формах и ее трудно выявить и задокументировать из-за монополии власти и свободы действий чиновников или частных менеджеров в водном секторе, которые оперируют большими объемами финансовых ресурсов и средств. Исследователи также обращают внимание на такие формы крупной или политической коррупции, как использование политиками воды для подкупа голосов для победы на выборах (vote buying) (Baillat, 2013, p. 14). Таким образом, в политике «водной мафии» политические акторы могут манипулировать доступом к воде в своих политических играх (Birkinshaw, 2018). Однако, в том случае, если отдается

предпочтение тому или иному клану, родству и группам аффилированных компаний, могут возникнуть долгосрочные негативные последствия, такие как рост социальной напряженности, потеря доверия к государственным институтам и увеличение конфликтов за водные ресурсы. Поэтому государствам необходимо анализировать причины коррупции в сфере водного хозяйства и способы её предотвращения для минимизации рисков развития таких негативных сценариев в будущем.

3.2. Водная коррупция в Центральной Азии

Хотя академическая литература часто упоминает о хроническом и широко распространенном характере коррупции в секторе водного хозяйства в Центральной Азии (например, Искакова, 2014; Балегга, 2020), однако академическое сообщество редко всесторонне и глубоко анализирует данную проблему (именно причины и факторы, способствующие распространению водной коррупции, её типологии и формы). Этот факт можно объяснить остротой темы исследования. Например, Warner et al. (2009), сравнивая системы лицензирования воды в Казахстане и Чили, утверждают, что одна из причин недостаточности исследований коррупции в водном секторе в Казахстане объясняется отсутствием «значительной традиции исследований коррупции или антикоррупционной активности, связанной с водными ресурсами в Казахстане» (Warner et al., 2009, p. 7). Авторы связывают недостаточность количества академических работ по теме водной коррупции с возможными потенциальными рисками для исследователей, изучающих данную тему. Как отмечают авторы, «местный исследователь может потерять работу, возможности к исследованиям и публикациям, затрагивая тему коррупции, и может даже столкнуться с угрозой судебных исков и физического насилия» (Warner et al., 2009, p. 7).

Помимо недостаточности академической литературы, изучающей проблему коррупции в секторе водного хозяйства, другой немаловажной проблемой является недостаток разъяснения методов сбора данных и методологий, применяемых в существующих исследованиях. Таким образом, в академических источниках не представлены доказательства аргументации, указывающей на хронический характер водной коррупции в Центральной Азии. Например, в публикации «Ирригация в Центральной Азии» авторы Бакнелл и др. (2003), лишь вкратце затрагивая проблему коррупции в ирригационном секторе, отмечают при этом, что коррупция препятствует реализации полного экономического потенциала стран Центральной Азии. Однако исследователи не разъясняют, с какими типами и формами коррупции, в частности в секторе ирригации, сталкиваются страны Центральной Азии и каковы пути искоренения подобных коррупционных практик.

Следует отметить, что исследовательские работы, опубликованные Water Integrity Network, более конкретны в отношении методологии, применяемой в исследовательских работах. К примеру, ранее упомянутая работа Warner et al. (2009), которая сравнивает две системы лицензирования воды - рыночную систему в Чили и государственную в Казахстане, основана на данных, собранных в ходе полевых исследований, экспертных интервью и опросов. Авторы утверждают, что потенциальные риски коррупции в сфере лицензирования воды существуют в связи с тем, что как в Чили, так и в Казахстане системы получения лицензий на воду «направлены в сторону сильных мира сего» (Warner et al., 2009, p. 17). Как подчеркивают Warner et al. (2009), ситуация с получением лицензий на воду является особенно тревожной в Казахстане из-за отсутствия всеобъемлющего и действенного законодательства по контролю за качеством воды. Как утверждают авторы, если измерить качество воды в конце канала, который загрязняют десять или пятнадцать промышленных компаний, невозможно определить, сколько загрязнила каждая компания. Таким образом, коррупционные риски искажения информации и злоупотреблений служебным положением являются высокими из-за недостатка механизмов мониторинга и подотчетности (Warner et al., 2009). Более подробный анализ коррупции в секторе водного хозяйства охватывает работа исследователей Isabekova et al., (2013), которые сравнивают реализацию двух водных проектов с точки зрения борьбы с коррупцией в Кыргызстане. А именно: исследователи оценили один проект, связанный с орошением, в котором участвуют Ассоциации водопользователей (АВП), а второй представлял собой крупномасштабный проект по пресной питьевой воде - Таза Суу, который не вовлекал в работу АВП. Работа основана на обзоре литературы и глубинных экспертных интервью. Результаты исследования свидетельствуют, что проект с участием АВП показал лучшие результаты, чем проект Таза Суу, где, согласно авторам, «тендерные процедуры были проведены с нарушениями, мошенничеством и, возможно, коррупцией» (Isabekova et al., 2013, p. 6). В заключение авторы приходят к выводу, что с точки зрения борьбы с коррупцией вовлечение пользователей, в частности в работу организации управления водными ресурсами может способствовать подотчетности и сокращению коррупционных рисков.

Исследователи Мирзаев (2016) и Норов (2022), анализируя деятельность Ассоциаций водопользователей (АВП) в управлении ирригационными системами в Узбекистане и Таджикистане, напротив, оценивают работу АВП с точки зрения институциональных, юридических, финансовых и технических возможностей как неудовлетворительную. Мирзаев (2016) подчеркивает, что работа АВП в ирригационной системе Узбекистана может быть подвержена коррупции. Он отмечает, что одним из показателей успешной работы АВП служит их финансовая

независимость, которая обеспечивается за счет сбора платы за ирригационные услуги. Однако, как указывает исследователь, АВП показывают низкие показатели сбора таких платежей в Узбекистане. Автор отмечает, что можно выделить две категории водопотребителей: «1) водопотребители, не желающие оплачивать услуги; и 2) водопотребители, не способные оплачивать услуги» (Мирзаев, 2016, с. 33). Первую категорию, утверждает автор, можно разделить на две подгруппы: «водопотребители, имеющие коррупционные связи с властными структурами, и водопотребители, как бы «бастующие» против несправедливого вододеления и коррупции». (Мирзаев, 2016, с. 33). Таким образом, как указывает исследователь, из-за коррупционных практик в работе Ассоциаций водопотребителей население не доверяет руководителям АВП. Мирзаев подчеркивает, что, для того чтобы справиться как с внешним давлением, так называемым телефонным правом и коррупцией, а также с внутренним давлением со стороны влиятельных водопотребителей, «безнаказанно ворующих воду», необходимо усиливать механизм общественного участия (Мирзаев, 2016, с. 35).

Исследователь Норов (2022) не упоминает коррупцию как причину плохой работы АВП в Таджикистане, но подчеркивает, что Ассоциации водопользователей продемонстрировали свою институциональную, финансовую и юридическую некомпетентность. По данным Норова (2022), АВП начали появляться в Таджикистане в середине 2000-х годов; в настоящее время из 400 АВП около 150 не функционируют должным образом, а многие перестали функционировать, так как не смогли адаптироваться к местному контексту. Норов (2022) отмечает, что большинство АВП не демонстрируют позитивного влияния на улучшение управления системами орошения и на решение проблемы потери воды. В целом, оба исследователя - как Мирзаев (2016), так и Норов (2022) видят активное вовлечение общественности и назначение в качестве глав АВП компетентных и добропорядочных людей как возможное решение для улучшения работы АВП. Тем не менее, авторы не упоминают о том, как стимулировать больший общественный контроль и как устранять неформальные ограничения, такие как nepotism, покровительство, клановость и другие коррупционные практики в работе АВП.

Помимо сектора ирригации заметен недостаток исследовательских работ, затрагивающих проблему коррупции в таких секторах, как гидроэнергетика, водоснабжение и санитария. Исследователь Junxia (2019) обращает внимание на проблему коррупционных рисков в энергетическом секторе стран Центральной Азии, которая становится, как отмечает автор, «большой проблемой для иностранных инвесторов» (Junxia, 2019). Marat (2015) подчеркивает, что офшорные связи способствовали возникновению обширной теневой экономики внутри Кыргызстана, включая «скрытый гидроэнергетический экспорт» (Marat, 2015, p. 46).

Исследуя устойчивость производительности Рогунской гидроэлектростанции (ГЭС) в Таджикистане, которая планируется стать самой высокой в мире и после завершения станет крупнейшей ГЭС в Центральной Азии, Zhao et al. (2020) заостряют внимание на том, что коррупция является одной из серьезных проблем, которая может привести к коллапсу инженерного качества этого дорогостоящего проекта из-за закупки некачественных материалов и других практик. Исследователи подчеркивают, что в данном проекте пока не приняты эффективные меры по предотвращению коррупции. Авторы утверждают, что «высокий уровень коррупции в Таджикистане является одной из важных причин недостатка принятия антикоррупционных мер на Рогунской ГЭС и отсутствия прозрачности финансовой информации» (Zhao et al., 2020, p. 15). Для решения проблемы коррупции и других рисков авторы предлагают разработанный ими контрольный список оценки устойчивой гидроэнергетики, который среди многих других показателей должен включать оценку финансовой жизнеспособности проектов и оценку коррупционных рисков. А именно такая оценка рисков, согласно авторам, должна учитывать, существует ли политика по снижению коррупционных рисков и являются ли процедуры закупок прозрачными и подотчетными (Zhao et al., 2020). Важно отметить, что в данном исследовании авторы не только констатируют проблему коррупции в секторе гидроэнергетики в Таджикистане, но и предлагают конкретные рекомендации по снижению коррупционных рисков путём введения контрольного списка оценки устойчивости, который страны Центральной Азии могли бы применить для оценки устойчивости гидроэнергетических проектов, например до введения их в эксплуатацию. Исследователь Sojato (2008) также обращает внимание на водную коррупцию, характеризуя ее как одну из серьезных проблем Центрально-Азиатского региона. Автор отмечает, что обучение нового поколения государственных служащих противодействию коррупции имеет важное значение для снижения коррупционных рисков в будущем. Кроме того, исследователь затрагивает вопрос финансирования проектов по спасению Аральского моря, которые должны тщательно контролироваться и координироваться для уменьшения коррупционных рисков (Sojato, 2008, p. 85). Водная коррупция в регионе, особенно коррупция в управлении водными ресурсами, водоснабжении и санитарии, ирригации и гидроэнергетическом секторе требует более глубокого изучения местными и международными исследователями.

В целом, проблемы, затронутые академическим сообществом, такие как коррупция в системе лицензирования воды и водопользования, строительства и обслуживания гидроэлектростанций, а также фаворитизм и взяточничество в работе местных Ассоциации водопользователей в управлении систем ирригации и других исследовательских тем, требуют дальнейшего углубленного изучения.

Ограничением этого исследования является то, что данная работа представляет собой лишь краткий обзор текущего состояния исследований коррупции в сфере водного хозяйства. Однако более глубокий анализ каждой поднимаемой академическим сообществом темы требует применения дополнительных методов исследования, например: экспертных интервью, опросов, систематического обзора литературы, критического дискурс-анализа для изучения официальных, медиа- и академических дискурсов, затрагивающих проблему коррупции в сфере водных ресурсов в регионе; а также других количественных, качественных и смешанных методов исследования; вместе с тем требует также поддержки и стимулирования совместных исследовательских работ учёных Центральной Азии и международных исследователей. Необходимость привлечения, помимо местных, также и международных исследователей некоторые авторы связывают с тем, что риски изучения коррупции для внешних (международных) исследователей меньше, чем для местных исследователей (Warner et.al, 2009, p.7).

Принимая во внимание тот факт, что тема водной коррупции остается недостаточно изученной не только в регионе Центральной Азии, но и в других регионах мира, международное академическое сотрудничество имеет важное значение для обмена опытом и существующими знаниями в исследовании подобных чувствительных тем.

4. Обсуждение и заключительные заметки

Многогранный характер и сложность взаимодействия между различными субъектами (государственными и частными организациями и потребителями) в условиях недостатка прозрачности, гражданского контроля и подотчетности могут привести к асимметрии власти и асимметрии информации и способствовать разрастанию коррупции в сфере водного хозяйства. Несмотря на актуальность, проблема водной коррупции в Центральной Азии крайне редко появляется на академической повестке, например в качестве темы для обсуждения на местных, региональных и международных научных конференциях, круглых столах и симпозиумах.

Результаты краткого обзора показывают, что те немногие исследователи, которые рассматривали тему коррупции в водном секторе, объясняют недостаток исследований водной коррупции как на глобальном, так и на региональном уровнях чувствительностью темы и сложностью сбора данных, связанных с «рисками как для исследователя, так и в большей степени для его или её респондентов» (Rinaudo, 2002, p. 406; Warner et al., 2009). Особенно проблемным является сохранение конфиденциальности информации о респондентах в сельской местности в случаях применения метода опроса или интервью (Rinaudo, 2002).

Принимая во внимание потенциальные риски как для исследователя, так и для респондентов, международное академическое сообщество пытается находить новые альтернативные способы сбора данных, начиная с физического осмотра и документирования водной инфраструктуры, изучения социально-экономических данных, собранных национальными и международными организациями и аналитическими центрами, а также применения экспериментальных исследований (например, моделирование коррупционных решений, схем и процессов) и других альтернативных методов исследований, которые могут снизить риски в изучении данной проблемы.

Результаты краткого обзора показывают, что нынешнее состояние изучения проблемы коррупции в водном секторе в Центральной Азии довольно фрагментарно и в академической литературе не хватает академических работ, анализирующих причины водной коррупции, её типологии и формы, а также пути предотвращения. Принимая во внимание недостаток информации, например статистических данных о коррупционных преступлениях в сфере водного хозяйства в Центральной Азии, анализ средств массовой информации (СМИ) может служить альтернативным источником получения информации о частоте и масштабах случаев коррупции в каждом конкретном секторе водного хозяйства. Например, в отличие от академических источников, СМИ широко освещают проблему коррупции в сфере управления водными ресурсами, водоснабжения и водоотведения, санитарии, ирригации и гидроэнергетики в странах Центральной Азии (Мирсаидов, 2009; Мирсаидов, 2010; Turkmenportal, 2018; Биятов, 2020; Газета.uz, 2021; Хроника Туркменистана, 2022; Kabar.kg, 2023).

Учитывая недостаток академических источников, в качестве перспективы для будущих научных исследований можно порекомендовать проведение медиадискурс- и контент-анализа с целью изучения того, как проблема коррупции в сфере водного хозяйства в странах Центральной Азии представлена в официальных документах, а также местных, региональных и международных медиадискурсах. К примеру, можно провести исследование на тему «Медиадискурс-анализ водной коррупции в Центральной Азии». Сравнение данных из академических источников, а также медиадискурс-анализ могут помочь идентифицировать пробелы в исследованиях водной коррупции в странах Центральной Азии.

В качестве практической рекомендации можно предложить разработку исследователями региона совместно с заинтересованными сторонами «Системы оценки отраслевой коррупции для стран Центральной Азии» (Sectoral Corruption Assessment Framework for Central Asia) с привлечением экспертного сообщества из Центральной Азии и зарубежья для анализа проблем коррупции в различных отраслях (например, водной и земельной коррупции) и путей их предотвращения,

например усовершенствования антикоррупционного законодательства, учитывая типологии и формы земельной и водной коррупции, распространенной в регионе, а также разработку механизмов усовершенствования общественного контроля в секторах, наиболее подверженных коррупционным рискам в сфере управления природными ресурсами. Ожидается, что совместная разработка индикаторов для программы «Рамочной системы оценки секторальной коррупции в Центральной Азии» может стимулировать недостающие на данный момент академические дискуссии по теме секторальной коррупции в регионе и путям её предотвращения.

Следует заметить, что в качестве основных политических рекомендаций международные организации предлагают центральноазиатским странам укрепление механизма подотчетности в управлении водными ресурсами. Важно подчеркнуть, что усиление подотчетности – это длительный и сложный процесс, который потребует преодоления неформальных ограничений, например, закрытых систем связей (*closed network systems*), основанных на родственных, клановых, земляческих и других неформальных отношениях. Таким образом, борьба с коррупцией в сфере водного хозяйства требует углубленного изучения формальных и неформальных институтов, таких как законы и постановления, организационной культуры в организациях управления водными ресурсами, поведенческих паттернов, социальных норм и неофициальных практик. В этой связи изучение исследовательских работ относительно укрепления механизмов подотчетности имеет важное значение. Например, исследование Pasquino & Pelizzo (2022), рассматривающих взаимосвязь между подотчетностью и политической культурой, а именно влияние социальных моделей, культурных норм и ценностей (таких как семейность, гражданственность, постматериальные ценности) на подотчетность, может привнести новые идеи и перспективы в понимание культуры подотчетности и способов её развития (например, в управлении природными ресурсами в Центральной Азии).

Ограничением этой работы является то, что данный краткий обзор не охватывает академические работы, написанные на государственных языках стран Центральной Азии. Дальнейшее более глубокое исследование требует командной работы исследователей региона Центральной Азии и изучения опыта международного академического сообщества в анализе таких чувствительных тем, как секторальная коррупция в сфере управления природными ресурсами.

Несмотря на возможный скептицизм в отношении даже возможности обсуждения таких чувствительных и острых тем, как водная коррупция в регионе, странам Центральной Азии необходимо объединить усилия и укреплять академическое сотрудничество для глубинного анализа проблем водной коррупции в регионе, которая препятствует сохранению и бережному использованию природных ресурсов в интересах нынешнего и будущих

поколений и стала серьезным барьером на пути стран региона в достижении Целей устойчивого развития.

Благодарность

Я выражаю глубокую благодарность двум исследователям из Центральной Азии: г-ну Эркинбеку Камалову из Кыргызстана и одному анонимному исследователю из Таджикистана за участие в двойном рецензент-скрининге академических источников, использованных в данном обзоре. Их ценный вклад является ярким примером успешного академического сотрудничества исследователей Центральной Азии. Также я благодарю анонимных рецензентов Центральноазиатского журнала исследований водных ресурсов за содержательные предложения и конструктивные отзывы, которые помогли мне улучшить качество данного исследования.

Я искренне признательна Колледжу персонала системы Организации Объединенных Наций (UNSSC) за предоставленную возможность участия в обучающем курсе «Борьба с коррупцией в контексте Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», проходившем онлайн с 24 октября по 25 ноября 2022 года, который вдохновил меня на анализ проблем секторальной коррупции в странах Центральной Азии.

Список литературы

- Бакнелл, Д., Клычникова, И., Лампетти, Д., Ланделл, М., Скатаста, М., & Турман, М. (2003). Ирригация в Центральной Азии. Социальные, экономические и экологические аспекты. *Всемирный банк*. Вашингтон. США. http://www.cawater-info.net/bk/improvement-irrigated-agriculture/files/irrigation_in_central_asia.pdf
- Балега, А. (2020). Вода - права населения Центральной Азии на стабильность и безопасность. *Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale. Научные сообщения*. 1, 83-92. https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/83-92_7.pdf
- Биятов, Е. (2020, февраль 6). «Коммунальная» коррупция в Казахстане: названы самые частые преступления в сфере ЖКХ. *Sputnik.kz*. Дата обращения 15.12.2023. <https://ru.sputnik.kz/20200206/korruptsiya-kazakhstan-zhkh-uscherb-12754710.html>
- Вебер, Е. (2019, август 1). «А воды всё нет». Куда утекли выделенные на водопровод миллиарды. *Radio Azattyq Kazakhstan*. Дата обращения 15.12.2023. <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-where-billions-allocated-to-water/30085515.html>
- Газета.Uz (2021, сентябрь, 24). Ущерб от коррупции за полгода составил почти 600 млрд сумов. Дата обращения 15.12.2023. <https://www.gazeta.uz/ru/2021/09/24/korruption-stat/>
- Искакова, Г.К. (2014). Региональная безопасность в Центральной Азии и стратегии России, США и Китая. *PolitBook*, 4, 8-51. http://politbook.online/images/pdf/PolitBook2014_Issue_4.pdf
- Kabar.Kg (2023, апрель 8). В Кызыл-Кие чиновников уличили в коррупции при реализации проекта по водоснабжению на 6 млн евро. Дата обращения 15.12.2023. <https://kabar.kg/news/v-kyzyl-%20kie-dolzhnostnykh-litc-merii-ulichili-v-korruptcii-pri-realizacii-proekta-povodosnabzheniiu-na-%206-mln-evro/>

- Мирсаидов, Х. (2009, апрель 14). Энергетику Таджикистана парализует коррупция. *Deutsche Welle*. Ред. Бушуев, М. Дата обращения 15.12.2023. <https://www.dw.com/ru/jenergetiku-tadzhikistana-paralizuuet-korruptcija/a-4177455>
- Мирсаидов, Х. (2010, февраль 12). Узбекистан и Таджикистан продолжают спорить о Рогуне. *Deutsche Welle*. Ред. Позднякова, Н. Дата обращения 15.12.2023. <https://www.dw.com/ru/%D1%83%D0%B7%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD-%D0%B8-%D1%82%D0%B0%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B6%D0%B0%D1%8E%D1%82-%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%82%D1%8C-%D0%BE-%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%83%D0%BD%D0%B5/a-5241565>
- Мирзаев, Н.Н. (2016). К вопросу о мониторинге и оценке Ассоциаций водопотребителей. Научно-информационный центр Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии (НИЦ МКВК). *Сборник научных трудов НИЦ МКВК*. Ташкент, Узбекистан, 15, 29-40. http://www.cawater-info.net/library/rus/sb_tr_15.pdf#page=30
- Норов, Х.Г. (2022). Ассоциация водопользователей (АВП) в Таджикистане: основные проблемы и пути решения. Вестник Таджикского национального университета. *Серия социально-экономических и общественных наук*. 2, 43-53. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48688277>
- Рябець, К.А. (2017). Политико-правовые факторы коррупционных деяний в водном хозяйстве на постсоветском пространстве (на примере Украины). *Alatoo academic studies*, 4, 202-209. <https://elibrary.kubg.edu.ua/id/eprint/28147/>
- Turkmenportal (2018, апрель 12). В Туркменистане пресечены факты коррупции и взяточничества. Дата обращения 15.12.2023. <https://turkmenportal.com/blog/14143/v-turkmenistane-presecheny-fakty-korruptcii-i-vzyatochnichestva>
- Хроника Туркменистана (2022, май 17). С жителей этрапа в Марыйском велаяте собирают деньги на очистку оросительных каналов. Дата обращения 15.12.2023. <https://www.hronikatm.com/2022/05/pledge-for-dredge/>
- Acción Ciudadana (2006). Indicadores de Percepción y Experiencias de Corrupción de Guatemala - IPEC. *Guatemala City: Acción Ciudadana*.
- Adam, I., & Fazekas, M. (2021). Are emerging technologies helping win the fight against corruption? A review of the state of evidence. *Information Economics and Policy*, 57, 100950. <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2021.100950>
- Anbarci, N., Escaleras, M. & Register, A. (2009). The Ill Effects of Public Sector Corruption in the Water and Sanitation Sector. *Land Economics*, 85 (2), 363-377. University of Wisconsin Press. <https://www.jstor.org/stable/27759679>
- Baillat, A. (2013). Corruption and the human right to water and sanitation - Human right-based approach to tackling corruption in the water sector. WaterLex, Geneva and Water Integrity Network, Berlin. https://www.waterlex.org/wp-content/uploads/2021/05/WIN-Waterlex_CorruptionAndHumanRightToWater_EN_2013.pdf
- Birkinshaw, M. (2018). «Water mafia» politics and unruly informality in Delhi's unauthorised colonies. Water, Creativity and Meaning: Multidisciplinary Understandings of Human-Water Relationships. (Eds.). Roberts, L. & Phillips, K. Routledge. 189-203. <https://doi.org/10.4324/9781315110356-12>
- Breen, M., & Gillanders, R. (2022). Money down the drain: Corruption and water service quality in Africa. *Governance*, October 2021, 1-17. <https://doi.org/10.1111/gove.12753>
- Burton, E., Butler, G., Hodgkinson, J., Marshall, S., Hogard, E., Ellis, R., & Warren, J. (2007). Quick but not dirty: rapid evidence assessments (REAs) as a decision support tool in social policy. *Community Safety: Innovation and Evaluation*, 50-62.
- Calow, R, MacDonald, A, & Cross, P. (2012). Rural water supply corruption in Ethiopia in Plummer, J. (ed.) Diagnosing Corruption in Ethiopia: perceptions, realities, and the way forward for key sectors. *World Bank*. 121-180. [https://nora.nerc.ac.uk/id/eprint/19248/1/ch4_rws_corruption\[1\].pdf](https://nora.nerc.ac.uk/id/eprint/19248/1/ch4_rws_corruption[1].pdf)
- Clibbens, N., Harrop, D., & Blackett, S. (2018). Early discharge in acute mental health: A rapid literature review. *International Journal of Mental Health Nursing*, 27(5), 1305-1325. <https://doi.org/10.1111/inm.12515>

- Davis, J. (2004). Corruption in public service delivery: Experience from South Asia's water and sanitation sector. *World Development*, 32(1), 53-71. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2003.07.003>
- de la Harpe, J. & Butterworth, J. (2009). Improving the framework? Institutional reform and corruption in the water sector. *U4 Brief*, *Anti-Corruption Centre*, 28. Anti-corruption Resource Center. <https://www.u4.no/publications/improving-the-framework-institutional-reform-and-corruption-in-the-water-sector.pdf>
- Featherstone, R.M., Dryden, D.M., Foisy, M., Guise, J.M., Mitchell, M.D., Paynter, R.A., Robinson, K.A., Umscheid, C.A., & Hartling, L. (2015). Advancing knowledge of rapid reviews: An analysis of results, conclusions and recommendations from published review articles examining rapid reviews. *Systematic Reviews*, 4(1), 1-8. <https://doi.org/10.1186/s13643-015-0040-4>
- France, G., & Kukutschka, R.M.B. (2019). Kyrgyzstan: Overview of corruption and anti-corruption. *Transparency International*. <http://www.jstor.org/stable/resrep20462>
- Furlong, L., Serry, T., Bridgman, K., & Erickson, S. (2021). An evidence-based synthesis of instructional reading and spelling procedures using telepractice: A rapid review in the context of COVID-19. *International Journal of Language and Communication Disorders*, 56(3), 456-472. <https://doi.org/10.1111/1460-6984.12619>
- Ganann, R., Ciliska, D., & Thomas, H. (2010). Expediting systematic reviews: Methods and implications of rapid reviews. *Implementation Science*, 5(1), 1-10. <https://doi.org/10.1186/1748-5908-5-56>
- Garritty, C., Gartlehner, G., Nussbaumer-Streit, B., King, V. J., Hamel, C., Kamel, C., Affengruber, L., & Stevens, A. (2021). Cochrane Rapid Reviews Methods Group offers evidence-informed guidance to conduct rapid reviews. *Journal of Clinical Epidemiology*, 130, 13-22. <https://doi.org/10.1016/j.jclinepi.2020.10.007>
- Global MPI country briefings (2022a). Global MPI Country Briefing 2022: Kazakhstan (Europe and Central Asia). Oxford Poverty and Human Development Initiative. *University of Oxford*. https://ophi.org.uk/wp-content/uploads/CB_KAZ_2022.pdf
- Global MPI country briefings (2022b). Global MPI Country Briefing 2022: Kyrgyzstan (Europe and Central Asia). Oxford Poverty and Human Development Initiative. *University of Oxford*. https://ophi.org.uk/wp-content/uploads/CB_KGZ_2022.pdf
- Global MPI country briefings (2022c). Global MPI Country Briefing 2022: Tajikistan (Europe and Central Asia). Oxford Poverty and Human Development Initiative. *University of Oxford*. https://ophi.org.uk/wp-content/uploads/CB_TJK_2022.pdf
- Global MPI country briefings (2022d). Global MPI Country Briefing 2022: Turkmenistan (Europe and Central Asia). Oxford Poverty and Human Development Initiative. *University of Oxford*. https://ophi.org.uk/wp-content/uploads/CB_TKM_2022.pdf
- Global MPI Country Briefing (2023a). Global MPI Country Briefing 2023: Kazakhstan (Europe and Central Asia). Oxford Poverty and Human Development Initiative. *University of Oxford*. https://ophi.org.uk/wp-content/uploads/CB_KAZ_2023.pdf
- Global MPI Country Briefing (2023b). Global MPI Country Briefing 2023: Uzbekistan (Europe and Central Asia). Oxford Poverty and Human Development Initiative. *University of Oxford*. https://ophi.org.uk/wp-content/uploads/CB_UZB_2023.pdf
- Global MPI country briefings (2023c). Global MPI Country Briefing 2023: Kyrgyzstan (Europe and Central Asia). Oxford Poverty and Human Development Initiative. *University of Oxford*. https://ophi.org.uk/wp-content/uploads/CB_KGZ_2023.pdf
- Global MPI country briefings (2023d). Global MPI Country Briefing 2023: Tajikistan. (Europe and Central Asia). Oxford Poverty and Human Development Initiative. *University of Oxford*. https://ophi.org.uk/wp-content/uploads/CB_TJK_2023.pdf
- Global MPI country briefings (2023e). Global MPI Country Briefing 2023: Turkmenistan (Europe and Central Asia). Oxford Poverty and Human Development Initiative, *University of Oxford*. https://ophi.org.uk/wp-content/uploads/CB_TKM_2023.pdf
- Gonzalez de Asis, M., Ljung, P., O'Leary, D., & Butterworth, J. (2009). Improving Transparency, Integrity, and Accountability in Water Supply and Sanitation. Action, Learning and Experience.

- The World Bank Institute and Transparency International*. Washington, DC. <https://www.oecd.org/env/outreach/44475062.pdf>
- Haas, L.J.M. (2008). Water for energy: corruption in the hydropower sector. In Global Corruption Report 2008. Corruption in the Water Sector. In Zinnbauer, D. and Dobson, R. (Eds). *Berlin: Transparency International*. 85-96. https://images.transparencycdn.org/images/2008_GCR_EN.pdf
- Hakala, E., Mustasilta, K., & Hadi, M. (2023). Water Diplomacy Analysis for Central Asia: Dynamics of Insecurity and Sources of Resilience (Issue: April). *The Finnish Institute of International Affairs*. https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2023/04/report73_water-diplomacy-analysis-for-central-asia.pdf
- Hamel, C., Michaud, A., Thuku, M., Skidmore, B., Stevens, A., Nussbaumer-Streit, B., & Garritty, C. (2021). Defining Rapid Reviews: a systematic scoping review and thematic analysis of definitions and defining characteristics of rapid reviews. *Journal of Clinical Epidemiology*, 129, 74-85. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.jclinepi.2020.09.041>
- Isabekova, G., Ormushev, K., Omokeev, T., Williams, A., & Zakharchenko, N. (2013). Leaking projects: Corruption and local water management in Kyrgyzstan. 3, 1-11. *U4 PRACTICE Insight*. *U4 Anti-Corruption Resource Centre*. <https://www.u4.no/publications/leaking-projects-corruption-and-local-water-management-in-kyrgyzstan>
- Jenkins, M. (2017). The impact of corruption on access to safe water and sanitation for people living in poverty. *Anti-Corruption Research Centre*, 12(7), 34-50
- Junxia, L. (2019). Investments in the energy sector of Central Asia: Corruption risk and policy implications. *Energy Policy*, 133, 110912. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.110912>
- Khangura, S., Konnyu, K., Cushman, R., Grimshaw, J., & Moher, D. (2012). Evidence summaries: A rapid review method. *Systematic Reviews*, 1(10), 2-8. <https://doi.org/10.1186/2046-4053-1-10>
- Kenny, C., & Søreide, T. (2008). Grand corruption in utilities. *World Bank Policy Research Working Paper*. (4805). https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1327274
- Klitgaard, R. E., Abaroa, R. M., & Parris, H. L. (2000). Corrupt cities: a practical guide to cure and prevention. *World Bank Publications*. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/709171468743399124/pdf/multi-page.pdf>
- Maathai, W. (2008). Foreword - Water in the community: why integrity matters. I(Eds.). Zinnbauer, D. & Dobson, R. Global Corruption Report 2008. Corruption in the Water Sector. *Cambridge University Press, Transparency International & Water Integrity Network*, xix-xxi. https://images.transparencycdn.org/images/2008_GCR_EN.pdf
- Marat, E. (2008, November 26). Kyrgyz minister of energy sacked, but corruption continues. *Central Asia-Caucasus Analyst*, in *Field Reports*, 26. <https://www.cacianalyst.org/publications/field-reports/item/11743-field-reports-caci-analyst-2008-11-26-art-11743.html?tmpl=component&print=1>
- Marat, E. (2015). Global money laundering and its domestic political consequences in Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*. 34:1, 46-56, DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2015.1010854>
- Moher, D., Stewart, L. & Shekelle, P. (2015). All in the Family: systematic reviews, rapid reviews, scoping reviews, realist reviews, and more. *Systematic Reviews*, 4, 183, <https://doi.org/10.1186/s13643-015-0163-7>
- Mollinga, P.P. (1998). On the waterfront: Water distribution, technology and agrarian change in a South Indian canal irrigation system. *Wageningen University and Research*. <https://edepot.wur.nl/196309>
- Moons, P., Goossens, E., & Thompson, D.R. (2021). Rapid reviews: the pros and cons of an accelerated review process. *European Journal of Cardiovascular Nursing*, 20(5), 515-519. <https://doi.org/10.1093/eurjcn/zvab041>
- Munn, Z., Peters, M.D.J., Stern, C., Tufanaru, C., McArthur, A., & Aromataris, E. (2018). Systematic review or scoping review? Guidance for authors when choosing between a systematic or scoping review approach. *BMC Medical Research Methodology*, 18(1), 1-7. <https://doi.org/10.1186/s12874-018-0611-x>

- O'Leary, D.F., Casey, M., O'Connor, L., Stokes, D., Fealy, G.M., O'Brien, D., Smith, R., McNamara, M.S., & Egan, C. (2017). Using rapid reviews: an example from a study conducted to inform policy-making. *Journal of Advanced Nursing*, 73(3), 742-752. <https://doi.org/10.1111/jan.13231>
- O'Leary, D. (2009). Corruption and transparency in the water sector. *Water Ethics*. (Eds.). Llamas M.R., Martinez Cortina, L & Mukherji, A. <https://doi.org/10.1201/9780203875438>
- O'Leary, D. & Stålgren, P. (2008). Fighting corruption in water: strategies, tools and ways forward. (Eds.). Zinnbauer, D & Dobson, R. *Global Corruption Report 2008: Corruption in the water sector*. Berlin: *Transparency International*. 106-118. https://images.transparencycdn.org/images/2008_GCR_EN.pdf
- Oxford Poverty and Human Development Initiative [OPHI] (2022). Global MPI Databank. Oxford Poverty and Human Development Initiative. <https://ophi.org.uk/multidimensional-poverty-index/global-mpi-databank/>
- Pasquino, G., & Pelizzo, R. (2022). *The Culture of Accountability: A Democratic Virtue*. (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003312000>
- Plummer, J. (2008). Water and corruption: a destructive partnership. (Eds.). Zinnbauer, D and Dobson, R *Global Corruption Report 2008: Corruption in the water sector*. Berlin: *Transparency International*, 3-17. https://images.transparencycdn.org/images/2008_GCR_EN.pdf
- Plummer, J. & Cross, P. (2007). Tackling Corruption in the Water and Sanitation Sector in Africa. (Eds.). Campos, J. E. and Pradhan, S. *The Many Faces of Corruption: Tracking Vulnerabilities at the Sector Level*. Washington DC: *World Bank*, 221-264. <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/113b57c7-fe11-5d2c-84f7-ca56538317d4/content>
- Rinaudo, J.D. (2002). Corruption and allocation of water: the case of public irrigation in Pakistan. *Water Policy*, 4(5), 405-422. [https://doi.org/https://doi.org/10.1016/S1366-7017\(02\)00037-5](https://doi.org/https://doi.org/10.1016/S1366-7017(02)00037-5)
- Rose-Ackerman, S. (1978). *Corruption A Study in Political Economy*. New York: Academic Press. SDSN. (2015). Indicators and a Monitoring Framework. Launching a Data Revolution for the Sustainable Development Goals. *Multidimensional Poverty Index*. <https://indicators.report/indicators/i-3/>
- SDSN. (2015). Indicators and a Monitoring Framework. Launching a Data Revolution for the Sustainable Development Goals. *Multidimensional Poverty Index*. <https://indicators.report/indicators/i-3/>
- Shandling, K. & Lock, R. (2008). Industry view: public-private hydropower - minimising the corruption risks. (Eds.). Zinnbauer, D and Dobson, R (Eds). *Global Corruption Report 2008: Corruption in the water sector*. 102-104. Berlin: *Transparency International*. https://images.transparencycdn.org/images/2008_GCR_EN.pdf
- Shordt, K., Stravato, L., & Dietvorst, C. (2006). About corruption and transparency in the water and sanitation sector. *Thematic Overview Paper / IRC*, 16. International Water and Sanitation Centre. <http://www.ircwash.org/sites/default/files/Shordt-2006-About.pdf>
- Suhardiman, D., & Mollinga, P.P. (2017). Institutionalized corruption in Indonesian irrigation: An analysis of the upeti system. *Development Policy Review*. *Overseas Development Institute*. 35(S2), O140-O159. <https://doi.org/10.1111/dpr.12276>
- Sohail, M., & Cavill, S. (2008). Water and sanitation: Water for the poor: corruption in water supply and sanitation. (Eds.). Zinnbauer, D. and Dobson, R. *Global Corruption Report 2008: Corruption in the water sector*. 40-52. Berlin: *Transparency International*. https://images.transparencycdn.org/images/2008_GCR_EN.pdf
- Sohn, J. (2007). Development without conflict: The business case for community consent. *World Resources Institute*. https://files.wri.org/s3fs-public/pdf/development_without_conflict_fpic.pdf
- Sojamo, S. (2008). Illustrating Co-Existing Conflict and Cooperation in the Aral Sea Basin with Twins Approach. In *Central Asian Waters: Social, economic, environmental and governance puzzle*. (Eds.). Rahaman, M. M. & Varis, O. Helsinki University of Technology. Water and Development Research Group. <http://amudaryabasin.net/sites/amudaryabasin.net/files/resources/Central%20Asian%20Waters.%20Social,%20economic,%20environmental%20and%20governance%20puzzle.pdf#page=141>

- Stålgren, P. (2006). Corruption in the Water Sector: Causes, Consequences and Potential Reform. *Swedish Water House Policy Brief. SIWI*. 4. https://www.waterintegritynetwork.net/wp-content/uploads/2015/03/swh_policy_brief_water_sector.pdf
- Taylor-Phillips, S., Geppert, J., Stinton, C., Freeman, K., Johnson, S., Fraser, H., Sutcliffe, P., & Clarke, A. (2017). Comparison of a full systematic review versus rapid review approaches to assess a newborn screening test for tyrosinemia type 1. *Research Synthesis Methods*, 8(4), 475-484. <https://doi.org/10.1002/jrsm.1255>
- Transparency International (2008). Executive Summary. In *Global Corruption Report 2008. Corruption in the Water Sector*. (Eds.). Zinnbauer, D. & and Dobson, R. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, São Paulo, Delhi: Transparency International, Cambridge University Press & Water Integrity Network. https://images.transparencycdn.org/images/2008_GCR_EN.pdf
- Tricco, A. C., Antony, J., Zarin, W., Striffler, L., Ghassemi, M., Ivory, J., Perrier, L., Hutton, B., Moher, D. & Straus, S. E. (2015). A scoping review of rapid review methods. *BMC Medicine*, 13(1), 1-15. <https://doi.org/10.1186/s12916-015-0465-6>
- UNDP (2011). Fighting corruption in the water sector: methods, tools and good practices. (Eds.). Matsheza, P., Timilsina, A.R. & Arutyunova, A. United Nations Development Programme, Bureau for Development Policy, *New York*, 43. <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/publications/Anticorruption%20Methods%20and%20Tools%20in%20Water%20Lo%20Res.pdf>
- Visscher, J.-T., & Hermann-Friede, J. (2011). Annotated Water Integrity Scans. A manual to help assess integrity levels in specific sub-sectors of the water sector. Water Integrity Network. https://www.waterintegritynetwork.net/wp-content/uploads/2015/02/WIN_AWIS_Manual_EN_2011.pdf
- Wade, R. (1982). The system of administrative and political corruption: Canal irrigation in South India. *Journal of Development Studies*, 18, 287-328.
- Wade, R. (1997). How infrastructure agencies motivate staff: canal irrigation in India and the Republic of Korea. *Infrastructure Strategies in East Asia*, 109-30.
- Warner, J., Butterworth, J., Wegerich, K., Mora Vallejo, A., Martinez, G., & Gouet, C. and Visscher, J.T. (2009). Corruption Risks in Water Licensing with Case Studies from Chile and Kazakhstan. *Swedish Water House Report 27*. SIWI. https://siwi.org/wp-content/uploads/2015/10/corruption_risks_in_water_licensing.pdf
- Watt, A., Cameron, A., Sturm, L., Lathlean, T., Babidge, W., Blamey, S., Facey, K., Hailey, D. Norderhaug, I. & Maddern, G. (2008a). Rapid versus full systematic reviews: validity in clinical practice? *ANZ Journal of Surgery*, 78(11), 1037-1040. <https://doi.org/10.1111/j.1445-2197.2008.04730.x>
- Watt, A.M., Cameron, A., Sturm, L., Lathlean, T., Babidge, W.J., Blamey, S., Facey, K., Hailey, D., Norderhaug, I., Maddern, G.J. (2008b). Rapid Reviews versus Full Systematic Reviews: An inventory of current methods and practice in health technology assessment. *International Journal of Technology Assessment in Health Care*. 24 (2):133-139. https://digital.library.adelaide.edu.au/dspace/bitstream/2440/53200/1/hdl_53200.pdf
- World Health Organization [WHO] (2022). Roadmap for health and well-being in Central Asia (2022-2025). <https://www.who.int/europe/publications/i/item/WHO-EURO-2022-5905-45670-65601>
- Zhao, X., Yumin N., Yangze, L., Zhigang, L., Atoev, I. (2020). The Integrated Hydropower Sustainability Assessment in Tajikistan: A Case of Rogun Hydropower Plant. *Advances in Civil Engineering*. <https://doi.org/10.1155/2020/8894072>